

ПОДЛОЖНА ЛИ ПЕРЕПИСКА ГРОЗНОГО И КУРБСКОГО?

Р. Г. Скрынников

В истории древнерусской литературы немногие произведения получили столь широкую известность, как переписка Ивана Грозного и Курбского. Последним откликом на тему Грозный — Курбский явилась книга американского профессора Эдварда Л. Кинана, озаглавленная «Апокриф о Курбском и Грозном. История составления в XVII в. «корреспонденции», приписываемой князю Курбскому и царю Ивану IV»¹. Один из крупнейших научных центров США, Гарвардский университет, оценил исследование Э. Кинана как выдающееся и отметил его премией Т. Вильсона первой степени. Книга сразу привлекла внимание западного научного мира².

Э. Кинан выдвинул тезис о подложности писем, а также почти всех других сочинений Грозного и Курбского. Он предложил следующую схему составления их «переписки». Известный писатель XVII в. князь С. И. Шаховской написал примерно в 1623—1625 гг. письмо царю Михаилу Федоровичу с жалобой на преследования. Но вскоре царь вернул милость Шаховскому, и тогда воевода, опасаясь, что неотправленное письмо может его скомпрометировать, снабдил его постскриптумом и заголовком, в которых косвенно приписывал письмо своему дальнему родственнику Курбскому. В конце 20-х или начале 30-х годов Шаховской или кто-то из его друзей написал ответ на «послание Курбского» и т. д. (стр. 5—6).

Э. Кинан подкрепляет свою схему анализом рукописей, сохранивших переписку Грозного и Курбского³. Он классифицирует их по хронологическому принципу и выделяет три «пласта». Первый образуют пять сборников конца 20-х — начала 30-х годов XVII в. (один из них точно датирован 1631/32 г.). Эти сборники включают в себя только первое послание Курбского к царю. Ко второму «пласту» отнесены ру-

¹ Edward L. Keenan. The Kurbskii—Groznyi Apocrypha. The Seventeenth-Century Genesis of the «Correspondence» Attributed to Prince A. M. Kurbskii and Tsar Ivan IV. Cambridge, Mass. 1971 (в дальнейшем ссылки на это издание приводятся в тексте).

² Канадский историк Д. И. Очерд заканчивает рецензию на исследование Э. Кинана следующими словами: «Безусловно, он будет скромно отказываться от роли современного Лоренцо Валла, но все же он проявил огромную смелость, выдвинув свою гипотезу» (G. E. Orchard. The Kurbskii—Groznyi Apocrypha, by Edward L. Keenan. «Canadian Journal of History», vol. VII, Issue 2, September 1972, pp. 188—189).

³ Перу Э. Кинана принадлежит около 100 страниц основного текста его книги. Вторую часть составляют обширные приложения, составленные Даниэлем К. Уоо. С большой тщательностью Д. Уоо описывает de visu рукописные сборники, в составе которых сохранились письма Грозного и Курбского. Его сводные данные являются в настоящее время самыми полными. Однако в описании Уоо отсутствуют некоторые важнейшие рукописи (например, рукопись БАН, тек. пост. № 230 с лучшим списком первого послания Грозного; рукопись Архива ЛОИИ, Собр. Археогр. ком. № 41). Д. Уоо сделал ряд интересных наблюдений по поводу филиграней и датировки некоторых рукописей, а также истории текстов.

кописи, написанные от 1630 по 1640 год. Из сборников этой группы шесть содержат первое послание Курбского и ответ царя (в краткой или полной редакции), а два — только царское послание. Компактность хронологических групп, совпадение содержания, особенности языка и «конвоия» навели Э. Кинана на мысль, что сборники каждой группы были созданы одновременно и что протограф, лежащий в основе группы, примерно современен самой ранней рукописи (стр. 15—16). Намеченные группировки рукописей, по мнению Э. Кинана, точно отражают основные этапы происхождения и развития «переписки Курбского и Грозного». Подлинный автор «переписки» кн. С. И. Шаховской сочинил первое «письмо Курбского» в середине 20-х годов XVII века. Этой стадии развития переписки соответствует первая хронологическая группа рукописей. Затем в кружке Шаховского возникла краткая редакция первого «послания Грозного». Это вторая фаза развития переписки (примерно 1630 г.), которой соответствует вторая хронологическая группа сборников. Наконец появилась пространная редакция «послания Грозного» (ГПБ. Погод. № 1567). Она возникла в несколько более поздний период и отражает более позднюю ступень развития переписки (стр. 12).

Классификация рукописей служит весомым доводом в пользу общей схемы происхождения «переписки Курбского и Грозного», предложенной Э. Кинаном. Однако произведенное им деление нельзя признать удовлетворительным. Источники группируются по чисто внешнему принципу — времени их написания, определяемому с помощью филиграней. Но и принятый хронологический принцип не выдержан до конца. Если проверить классификацию Э. Кинана с точки зрения внутренней логики и обоснованности, то обнаружится ее полное несоответствие фактам.

Среди рукописей, подлежащих классификации, одной из лучших считается Погодинская (ГПБ, Погод. № 1567). Водяной знак ее (кувшинчик с полумесяцем) может быть датирован на основании Альбома филиграней, составленного Т. В. Диановой по материалам собраний ГИМ. Наиболее близкими к этому водяному знаку оказываются филигранные в печатной Триоди цветной (литеры ОАК, 1621 г.), в Минее служебной (литеры IAV, 1622 г.), Минее служебной (PBR, 1627 г.)⁴. Традиционное представление о списке Погод. № 1567 как самой ранней рукописи, сохранившей переписку Курбского и Грозного, остается в силе. Этот факт обнаруживает несостоятельность гипотезы Э. Кинана о трех стадиях развития «переписки», согласно которой Погодинская рукопись отнесена к позднему пласту⁵.

Грозный и Курбский переписывались 30 лет и исписали сотни страниц. Э. Кинан концентрирует все свое внимание на крохотном по

⁴ В свое время Г. З. Кунцевич высказал мнение, что филигрань рукописи Погод. № 1567 близка к № 4252 (1616 г.) по альбому Н. П. Лихачева (архив ЛОИИ, ф. 276, оп. 1, д. 30, стр. 158). Однако проверка обнаружила несоответствие филигранны указанного номера. Я. С. Лурье считал филигрань Погод. № 1567 соответствующей № 4127 (1611—1612 гг.) по таблицам Н. П. Лихачева («Послания Ивана Грозного». Подготовка текста Д. С. Лихачева и Я. С. Лурье. М.-Л. 1951, стр. 32). Но с предложенной им датировкой не согласился Д. К. Уоо. По его мнению, водяной знак рукописи в некоторых чертах сходен с №№ 504 и 509 по альбому А. А. Гераклитова (см. Waugh C. D. a n i e l. «Soviet Watermark Studies—Achievements and Prospects», *Kritika: A Review of Current Soviet Books on Russian History*. Cambridge, Mass. Vol. VI, № 2 (1970), pp. 100—101). Следует заметить, что филигрань Погод. № 1567 обнаруживает больше черт сходства с № 504, датированным 1620/21 г. (см. А. А. Гераклитов. Филигранные XVII в. на бумаге рукописных и печатных документов русского происхождения. М. 1963, стр. 107). Приведенная дата (1620/21 г.) согласуется с данными альбома Т. В. Диановой.

⁵ Точно так же Э. Кинан произвольно относит список ГПБ, Погод. № 1615 (1631/32 г.) к более раннему хронологическому «пласту», а список ГИМ, Муз. № 1551 (приблизительно 1630 г.) — к более позднему.

объему первом послании Курбского. Остальная переписка остается фактически вне его поля зрения. Автор объясняет это так: если первое послание Курбского — подлог, то таким же подлогом является и вся последующая переписка, ибо письмо Курбского — источник главных тем последующей переписки (стр. 4). С логической точки зрения данное рассуждение безупречно.

Все дальнейшие построения Э. Кинана основаны на одном любопытном текстологическом наблюдении. Американскому исследователю удалось обнаружить текстуальные совпадения в письме Курбского и посланиях некоего монаха Исайи. Текстологический анализ позволил Э. Кинану сделать вывод о том, что заимствование шло от Исайи к Курбскому, и ни в коем случае не наоборот. Но, по мнению Э. Кинана, послания Исайи имеют более позднее происхождение, чем письмо Курбского. Значит, Курбский не мог процитировать еще не написанные послания. Следовательно, заключает Э. Кинан, подлинным автором «письма Курбского» было какое-то другое лицо.

Перед нами исходный пункт всего построения Э. Кинана и, по существу, единственный серьезный его аргумент. Посмотрим, насколько он основателен.

Обратимся к первому случаю взаимосвязи текстов Исайи и Курбского, отмеченному Э. Кинаном.

«Плач» Исайи

(1566 г.)

«Оузрю ли спекуляторский меч, небо
вменяю и *всім сим мздовоздадел* Хри-
стос истинный бог наш, *и не токмо сим,*
но и за чашу студеной воды...»⁶.

I. Послание Курбского

царю

(1564 г.)

«Не хотех рещи вся по ряду... зане лут-
чи един бог весть: он бо, *бог,* есть *всім*
сим мздовоздадел и не токмо *сим,* но
и за чашу студеныя воды».⁷

Э. Кинан считает, что письмо Исайи явно повлияло на послание Курбского (стр. 197). Но подобный вывод представляется недоказанным. Возможны три предположения: 1) Курбский заимствовал фразу из письма Исайи; 2) Исайя выписал две строки из послания Курбского; 3) оба использовали один и тот же словесный оборот, заимствовав его из одного и того же или из различных, но сходных богословских сочинений. Первые два предположения кажутся менее вероятными. Оба послания достаточно велики по объему (64 и 115 строк), совпадение же исчерпывается одной неполной фразой (2—3 строки). Слова о боге и чаше студеной воды представляются богословским оборотом достаточно трафаретного характера. Совпадение одного-единственного богословского штампа, употребленного в разных контекстах, не может служить серьезным доказательством прямого литературного заимствования.

Более важное значение имеет второе совпадение текстов, отмеченное Э. Кинаном. Приведем соответствующий отрывок из недатированного письма («Жалобы») Исайи и первого послания Курбского царю.

«Жалоба» Исайи

(без даты)

«За благая моя воздал ми злая и за
возлюбление мое непримирительну не-
нависть и кров моя яко вода, пролитая
туне, вопиет к богу моему.

Первое послание Курбского

царю

(1564 г.)

«Али ты безмертен, царю, мнишися и
в небытную ересь прельщен, аки не хотя
уже предстати неумытному судье, на-
деже христьянской, богу начальному

⁶ ГПБ. Отдел рукописей. О XVII 70 (далее—Послания Исайи), л. 178.

⁷ «Послания Ивана Грозного», стр. 535.

Али бесмертен мниш себе, аки не хотя уже предстати доброму пастырю и истинному учителю и неумытному судии, надежи христианской, богоначальному Иисусу, хотящему судите вселенней в правду, и истязати всяко колено до влас прегрешения их.

...Бог сердца зритель — в разуме моем прилежно смыслях, и совесть мою свидетеля поставлях, исках и зрех, мысленне обращаяся, и не найдох в чем бых пред ким съгрешил или кому чим позинен в чужей и незнаеме землш»⁸.

Иисусу, хотящему судити вселенней в правду... и хотяще истязати их до влас прегрешения их, яко же словеса глаголют?

...И воздал еси мне злая възблагая и за възлюбление мое — непримирительную ненависть. И кровь моя, яко вода пролитая за тя, вопиет на тя к богу моему.

Бог сердца зритель — во уме моем прилежно смыслях и совесть мою свидетеля поставлях и исках, и зрех мысленне и обращаяся, и не вем себе, и не найдох ни в чем пред тобою согрешивша»⁹.

Тожждественность текстов из послания Исайи и письма Курбского, по-видимому, исключает возможность случайного совпадения. Сходство столь поразительно, что неизбежна мысль о заимствовании текста одним автором у другого. Э. Кинан проделал подробный и тщательный текстологический анализ с целью выяснить направление заимствования и установил, что первоначальным был текст Исайи, а вторичным — текст Курбского. Исходя из этого Э. Кинан сделал следующий вывод: «Жалоба» Исайи послужила источником для первого письма Курбского; последнее было написано где-то после 1566 г., поскольку недатированная «Жалоба» (сама, может быть, написанная в 1566 г.) сопровождается в известном сборнике другим текстом (имеется в виду «Плач» Исайи.— Р. С.), который явно повлиял на письмо Курбского и который датирован 1566 годом (стр. 26).

Аргументация Э. Кинана логична, но в ней есть существенный пробел. Остается недоказанным тезис о явном влиянии «Плача» (1566 г.) на письмо Курбского. Еще более важно то, что Э. Кинан без особых доказательств датирует «Жалобу» (Исайи) тем же 1566 годом. Автора не может спасти то, что он высказывает свое мнение в виде осторожного предположения. Перед нами, без сомнения, центральная и исходная позиция всего построения американского историка. В этом пункте необходимо отделить зыбкие предположения от строго доказанных фактов. Э. Кинану удалось установить факт литературного заимствования: Курбский списал отрывок из письма Исайи. Когда это произошло? На этот вопрос следует ответить по возможности более точно.

Люди XVI столетия лишь иногда подписывали письма и еще реже ставили на них дату. Оттого многие памятники древнерусской письменности не поддаются точной датировке. Может быть, письмо Исайи принадлежит к числу таких памятников? Нет, письмо Исайи может быть датировано довольно точно. Рукопись с перепиской Исайи опубликована лишь частично. Неизданная ее часть осталась не использованной Э. Кинаном, но именно в ней мы находим ключ к тексту Исайи.

Православный монах из Каменец-Подольска Исайя прибыл на Русь в 1561 г. в свите греческого митрополита Иоасафа. Грек будто бы и стал виновником злочключений литовского монаха. По его доносу московские власти арестовали Исайю и заточили в тюрьму сначала в Вологде, а затем в Ростове. В тюрьме Исайя написал несколько писем, известных по рукописному сборнику (ГПБ, О XVII 70). В состав последнего входят пять текстов Исайи: 1) Послание (1567 г.); 2) Плач (1566 г.); 3) Жалоба; 4) Объяснение; 5) Предсказание. По словам Э. Кинана, все пять названных текстов «являются отдельными произведениями, написанными в разное время, различными стилями и для

⁸ Послания Исайи, л. 179.

⁹ «Послания Ивана Грозного», стр. 534—535.

различных целей» (стр. 22). Элементарный анализ ставит под сомнение вывод Э. Кинана относительно трех последних текстов Исайи (№№ 3, 4, 5). Из них только первый (№ 3) имеет заголовок, который гласит: «Того же мниха каманчанина». Тексты № 4 и № 5 не озаглавлены. Возможно, что приведенный заголовок сочинил не сам Исайя, а переписчик. Нам пока достаточно констатировать, что переписчик дал всем трем отрывкам один заголовок, а следовательно, он рассматривал эти отрывки как единое целое. Сам по себе этот довод, однако, недостаточно убедителен.

Более существенным может служить другое наблюдение. Ни первый, ни второй текст (№ 3 и № 4) не имеют традиционной, особенно для лица духовного, концовки «Аминь», тогда как у третьего текста (№ 5) она есть. Итак, три отрывка имеют общий заголовок и общую концовку. Кроме того, они построены по единому летописному плану. Материал их организован вокруг трех дат: 1) «Жалоба»: «...от Рождества Христова 1561 августа 1 в земли Московской помыслил (Июасаф.— Р. С.) злая мне...». 2) «Объяснение»: «Того же (!) року 1561 юлия ждание мое и важность мою для книги... на малый час в не нашу землю Московскую...» и пр. 3) «Предсказание»: «В... месте Виленском року 1560 юлия некто философ... возревши на лице мое изрек ми настоящую всю беду мою...»¹⁰. Автор называет год в «Жалобе», а в «Объяснении» пишет «того же року». Он не мог бы написать так, если бы «Объяснение» не явилось непосредственным продолжением «Жалобы». Итак, первый наш вывод сводится к следующему: три текста (№№ 3, 4, 5), в рукописи графически не разделенные, составляли единое Послание Исайи. Попытаемся выяснить, при каких обстоятельствах оно было составлено, но прежде позволим себе сделать одно критическое замечание.

Можно было ожидать, что Э. Кинан рассмотрит в комплексе все документы, составлявшие переписку Исайи и отложившиеся в рукописном сборнике 0 XVII 70. К сожалению, он использовал только опубликованную их часть. Автор полностью игнорирует тот факт, что в рукописном сборнике (0 XVII 70) за тремя текстами Исайи помещен «Лист» неизвестного, адресованный Исайе. Между тем этот «Лист» имеет исключительно важное значение с точки зрения датировки Послания Исайи, включающего текст «Жалобы». Обратим внимание на следующее текстуальное совпадение в «Листе» и в Послании:

«Лист»

(1562 г.)

Послание Исайи

(без даты)

«Иже словеси ради истинного во юзах страждущему мниху Исаие»¹¹.

«Днесь аз в темницы, и слова ради истинного Христова во юзах яко злодеи зле стражу»¹².

Приведенные тексты не оставляют сомнений в том, что «Жалоба» явилась непосредственным ответом на «Лист». Исайя прочел обращенные к нему слова и, слегка перефразировав, включил их в ответное послание автору «Листа». Вкратце содержание «Листа» таково. Неизвестное лицо сообщило Исайе, томившемуся в «узах» в вологодской тюрьме, что его навестит некий «брат»: «Изволися общим советом брату нашему имярек посетит ты в скорбех твоих и ты, бога ради, во всяких словесех во вопресех и во ответех прими его яко мою душу, верен бо есть

¹⁰ Послания Исайи, лл. 178 об., 179, 180.

¹¹ Там же, л. 180 об.

¹² Там же, л. 179.

во истинне, а яж о нас вся ти скажет...»¹³. Автор «Листа» просил Исаяю откровенно побеседовать с посланцем и ответить на его вопросы. Как видно, Исаяя не остался глух к этой просьбе и написал ответ неизвестному¹⁴. Сделанные наблюдения можно вкратце резюмировать следующим образом: недатированное послание Исаяи служило непосредственным ответом на «Лист» неизвестного, помеченный июлем 1562 г., а, следовательно, письмо Исаяи можно датировать второй половиной 1562 года¹⁵.

Более точная датировка первого «Послания» Исаяи позволяет рационально объяснить отмеченное Э. Кинаном совпадение текстов у Исаяи и Курбского. Поскольку Исаяя написал «Ответ неизвестному» приблизительно в 1562 г., Курбский вполне имел возможность ознакомиться с его письмом в середине 1564 года. Таким образом, главное доказательство Э. Кинана относительно подложности первого послания Курбского царю оказывается ошибочным. Э. Кинан не провел специального исследования переписки Исаяи и допустил поразительный промах в датировке его «Ответа неизвестному», включающего так называемую «Жалобу».

Э. Кинан уделяет значительное внимание вопросу о документах, составляющих непосредственное окружение посланий Курбского в рукописных сборниках XVII века. По его словам, переписка Курбского — Грозного тесно связана с «документальной беллетристикой» XVII в. типа Переписки с султаном, рассказа о двух посольствах и отрывка из кизилбашских книг. Эти подложные сочинения XVII в. анонимны, но некоторые из них, по мнению Э. Кинана, можно ассоциировать с Шаховским (стр. 12). Замечания о подложности произведений «конвоя» призваны подкрепить основной тезис Э. Кинана о подложности послания Курбского. Посмотрим, однако, согласуются ли эти замечания с фактами.

Под «конвоем» принято понимать такое окружение изучаемого текста, которое может рассматриваться как традиционное, повторяющееся в различных рукописях. Изучение «конвоя» особенно важно в тех случаях, когда имеется внутренняя связь между исследуемым произведением и сопровождающими его памятниками. Первые три послания Курбского, написанные им в Юрьеве до побега за рубеж, не имеют четко выраженного «конвоя». Напротив, его письма из Вольмара окружены рядом документов, расположенных обычно компактной группой. Наиболее полно «конвой» вольмарских посланий Курбского представлен в рукописном сборнике ГИМ, Собр. Уварова № 1584. В нем находим: 1) краткую заметку Курбского в Юрьев по поводу «писания» в Печоры (л. 1); 2) его же послание (третье) в Печоры (лл. 1—4); 3) его же послание царю из Вольмара (лл. 5—9); 4) послание эмигрантов Тетерина и Сарыхозина юрьевскому наместнику М. Я. Морозову (лл. 9 об.— 11); грамоту литовского наместника Ливонии А. Полубенского в Юрьев по поводу имущества Курбского (с л. 11). Те же самые документы, расположенные в том же порядке, входят в состав другого рукописного сборника (ГБЛ, ф. 178, Муз. собр. № 4469). Перечисленные документы можно назвать «вольмарским конвоем» первого

¹³ Там же, л. 180 об.

¹⁴ Весьма интересна была атрибуция «Листа» к Исаяе. Однако его автор предпочел остаться неизвестным. Можно полагать, что он знал Исаяю и рассчитывал на его доверие. По-видимому, он был иноземцем. «Лист» заканчивается словами: «Писано року 1562 юлия в земли Московской на Вологду». Московский человек едва ли мог сказать «писано в земли Московской» и иначе датировал бы письмо. На Руси вели счет от сотворения мира, а не от Рождества Христова (Послания Исаяи, л. 180 об.).

¹⁵ На литовско-русской границе шла кровопролитная война. Письмо узнику вологодской тюрьмы мог доставить только лазутчик, которому нельзя было долго задерживаться в Вологде. Самый способ переписки заставлял Исаяю спешить с ответом.

послания Курбского. Кому принадлежит подборка вольмарских писем, сказать трудно. Во всяком случае, ее составили не московские официальные лица. Иначе как объяснить тот факт, что в подборку не попало письмо юрьевского наместника М. Я. Морозова в Вольмар, зато было включено ответное письмо наместнику от беглых дворян Тетерина и Сарыхозина. Это обстоятельство наводит на мысль, что авторами вольмарской подборки были эмигранты, близкие к Курбскому.

Примечательно, что вольмарский «конвой» наиболее полно представлен в сборниках, отражающих первую фазу переписки Курбского и Грозного. В них есть послание Курбского, но нет ответа Грозного. Когда к подборке было присоединено царское послание Курбскому, представляющее собой обширный трактат, сборник получил новое идейное звучание. Время возникновения этого нового сборника неизвестно¹⁶. Однако ясно, что в глазах составителей и переписчиков нового сборника вольмарские письма, сопутствовавшие первому письму Курбского, отчасти утратили значение. По этой причине вольмарский «конвой» стал разрушаться. Один из самых ранних и лучших сборников XVII в. (ГПБ, Погод. № 1567) включает в себя почти всю вольмарскую подборку, кроме краткой записки Курбского в Печоры. В нем находятся: Послание Курбского Васьяну (лл. 2—5); его же послание царю (лл. 5—9); письмо Тетерина и Сарыхозина (лл. 9—10); грамота А. Полубенского (лл. 10 об.—12); первое послание Грозного (лл. 12—55). В аналогичном, но более позднем сборнике XVII в. (БАН, Тек. пост., № 230) отсутствуют не только краткая записка Курбского, но и третье (вольмарское) послание Курбского старцу Васьяну. Два названных сборника передают текст полной редакции, наиболее близкий к первоначальному тексту царского послания Курбскому.

Вольмарский «конвой» можно признать традиционным. Он присутствует не только в ранних, но и в поздних рукописных сборниках, например, в сборниках, сохранивших краткую (позднюю) редакцию первого послания царя Курбскому. Правда, в этих сборниках мы наблюдаем дальнейшее разрушение «конвоя». Например, в сборник ГИМ Муз. № 1551 не включена краткая записка Курбского в Печоры и грамота Полубенского в Юрьев. В сборниках ГИМ, Муз. № 2524 и ГПБ, Погод. 1573 отсутствуют грамота Полубенского и письмо Тетерина и Сарыхозина¹⁷. Письма, составляющие вольмарский «конвой», органически связаны между собой. Гетман А. Полубенский составил грамоту, по-видимому, по просьбе Курбского тотчас после бегства боярина в Вольмар. Литовский наместник Лифляндии обратился к одному новгородскому помещику, ранее служившему в Юрьеве под начальством Курбского, с просьбой попытаться «книг князь Андреевых Курбского, которые остались в Юрьеве»¹⁸. В ответ на это обращение юрьевский воевода М. Я. Морозов направил в Вольмар письмо с обличением всех изменников: как Курбского, так и бежавших ранее в Литву М. Сарыхозина и Т. Тетерина. Изменники не остались в долгу и написали язвительное послание Морозову.

Можно обнаружить определенную связь между посланиями Курбского и вольмарским листом М. Сарыхозина и Т. Тетерина:

¹⁶ Я. С. Лурье полагал, что Погодинский сборник с подборкой писем Курбского, Тетерина, Полубенского и Грозного был составлен в Печорском монастыре («Послания Ивана Грозного», стр. 540). А. А. Зимин высказал гипотезу, что послание Грозного было добавлено в «Печорский сборник» не в Печорах, а в Москве из царской канцелярии (А. А. Зимин. Археографический обзор сочинений И. С. Пересветова. «Сочинения И. Пересветова». М.-Л. 1956, стр. 83).

¹⁷ В сб. ГПБ Погод. № 1573 изменен порядок писем, входящих в вольмарскую подборку: сначала следуют письмо Курбского (лл. 49 об.—53 об.) и ответ Грозного (лл. 53 об.—75 об.), а затем краткая записка Курбского и его письмо к Васьяну (лл. 75 об.—79 об.).

¹⁸ РИБ. Т. XXXI, стр. 495.

Послания Курбского		Письмо М. Сарыхозина и Т. Тетерина
Васьяну	царю	

II послание:

«Таковых ради *нестерпимых мук* овым без вести *бегуном* ото отечества быть...»

III послание:

«Каких напастий и бед и *наругания* и гонения не претерпех еси...»¹⁹.

«Не мни, царю, не помышляй нас, аки уже погибших, и избвенных от тебе неповинно и *за точенных* и *прогнанных без правды*...». «*Бог сердцам зритель*...»

Почто, царю, сильных во Израили *побил* еси и воевод... *различными смертми* расторгл еси... прогнанные от тебя *без правды* от земля ко богу вопием...»²⁰.

«...*побежали* уже по многих *нестерпимых муках* и понаругани ангельского образа...»

«и ты, господине, ...не зови православных *крестьян*, без *правды* мучимых и *прогнанных* *изменниками*».

«...*сердцам зритель*, *волен, бог*».

«...у которых отцов *различными смертми побил* без правды?»²¹.

Письма, входящие в вольмарский «конвой» и насыщенные сугубо житейскими подробностями (обмен книг и оружия на пленников и пр.), трудно заподозрить в подложности. Для подобных подозрений нет никаких оснований. Состав вольмарского «конvoja» и обнаруженная текстовая зависимость подтверждают подлинность первого послания Курбского царю. Названные источники написаны были одновременно и по одному и тому же поводу, этот повод — бегство Курбского в Вольмар. По-видимому, письма обсуждались в узком кругу русских эмигрантов, собравшихся в Вольмаре по случаю перехода в Литву Курбского. В этом кружке ближе всего к беглому боярину был М. Сарыхозин. С ним Курбский поддерживал дружбу до последних дней жизни, его имя упомянул в своем завещании. Исследование «конvoja» говорит в пользу традиционной атрибуции переписки Курбского и Грозного.

Полагая, что подложность первого послания Курбского доказана. Э. Кинан приступает к поискам его подлинного автора путем установления новых текстовых связей. Он отыскивает сходные фразы в послании Курбского и в сочинении известного московского писателя XVII в. И. А. Хворостинина. Но эти фразы («бог сердцу зритель», «за чашу студеные воды») кажутся обычной богословской риторикой. Намеком на прямое заимствование могли бы служить слова «коего зла и гонения... не претерпех». Но и это короткое восклицание перефразировано одним из авторов²². Как объяснить сходство двух исследуемых источников? Можно предположить, что сочинения Курбского были известны первому российскому западнику Хворостинину. Последний был дальним родственником Курбского и мечтал, следуя его примеру, уехать из Москвы в Литву.

Продолжая поиски текстологических связей, Э. Кинан обращается к переписке Курбского со старцем Васьяном из Псково-Печорского монастыря. В литературе давно подмечена текстуальная близость первого послания Курбского царю и его же третьего послания Васьяну²³. Многие места в них производят впечатление перефразировки одно-

¹⁹ Там же, стр. 398.

²⁰ «Послания Ивана Грозного», стр. 534—535.

²¹ Там же, стр. 536—537.

²² Там же, стр. 535; «Сочинения князя И. А. Хворостинина». «Летопись занятий Археологической комиссии за 1905 г.». Вып. XVIII. СПб, 1907, стр. 38—39.

²³ См. Я. С. Лурье. Вопросы внешней и внутренней политики в посланиях Ивана IV. «Послания Ивана Грозного», стр. 473; Р. Г. Скрынников. Курбский и его письма в Псково-Печорский монастырь. ТОДРЛ. Т. XVIII. М.-Л. 1962, стр. 112—113.

го и того же текста. Э. Кинан дает новое толкование установленной взаимосвязи текстов. По его мнению, третье послание Васьяну, сопутствующее первому посланию царю в самом раннем списке конца 20-х годов XVII в., на самом деле было написано автором «письма Курбского», каковым являлся князь Шаховской (стр. 29).

Переписка Курбского с Васьяном включает в себя несколько писем. Третье письмо завершает ее. Необходимость анализа документов в их комплексе является элементарным требованием источниковедческой работы. Но Э. Кинан нарушает это требование. Его анализ первых посланий Курбского Васьяну исчерпывается двумя-тремя поверхностными замечаниями. Итогом же их оказываются далеко идущие выводы, сформулированные к тому же в категорической форме. Письма Васьяну, утверждает Э. Кинан, почти наверняка не были написаны Курбским (стр. 65).

Еще в 1962 г. мы высказали предположение о том, что самые ранние списки первых писем Курбского Васьяну относятся к концу XVI века²⁴. Сейчас можно привести новые данные в пользу этой точки зрения. Г. З. Кунцевич опубликовал два первых послания Васьяну по рукописи ГБЛ, Собр. Беляева, № 55/1549 (скоропись XVII в.). В свое время мы отметили, что беляевский список является сокращенной редакцией послания Курбского²⁵. Более древний и исправный текст передает рукопись ГПБ, Собр. Соловецкого монастыря, № 962/852. Принято датировать названный сборник началом XVII века²⁶. Но более тщательное палеографическое исследование сборника и изучение его состава позволяют уточнить эту дату. Сборник писан на бумаге с филигранью типа кувшинчик, сходной с № 12794 по альбому С. Брике (датируется началом 90-х годов XVI века)²⁷. В альбоме Н. П. Лихачева водяной знак того же типа обозначен под №№ 1948 и 1952²⁸. Имеются рукописи с тем же водяным знаком, написанные в Соловецком и Кирилло-Белозерском монастырях и точно датированные 1594 годом²⁹. Наблюдения за филигранями и составом Соловецкого сборника позволяют заключить, что он появился в первые годы царствования Бориса Годунова — в конце XVI и не позднее самого начала XVII века³⁰.

Можно обнаружить прямую связь между посланиями Курбского Васьяну из Соловецкого сборника, с одной стороны, и его вольмарскими посланиями к царю и к старцу Васьяну (последнее послание) — с другой.

II Послание Васьяну

I Послание царю из Вольмара

«Державные... неслыханные смерти и муки на доброхотных своих умылиши»³¹.

«Почто, царю, ...на доброхотных твоих и душу за тя полагающих неслыханы от века муки и смерти и гоненья умылил...»³².

²⁴ Р. Г. Скрынников. Курбский и его письма в Псково-Печорский монастырь, стр. 100.

²⁵ Там же.

²⁶ [И. Я. Порфирьев]. Описание рукописей Соловецкого монастыря, находящихся в библиотеке Казанской духовной академии. Ч. 2. Казань. 1885, стр. 553.

²⁷ С. М. Briquet. Les Filigranes. T. IV. Genève. 1907, p. 638.

²⁸ Н. П. Лихачев. Палеографическое значение бумажных водяных знаков. Ч. III. СПб. 1899, №№ 1948, 1952.

²⁹ Н. П. Лихачев. Указ. соч. Ч. II, стр. 259.

³⁰ В составе Соловецкого сборника есть многие важнейшие документы, вышедшие из канцелярии патриарха Иова.

³¹ РИБ. Т. XXXI, стр. 395.

³² «Послания Ивана Грозного», стр. 534.

III Послание
Васьяну из Вольмара

«...не глаголют пред цари, не стыдяся о свидении господни...»³³.
«...нестыдно обличающих неправедных царей и властелей в различных законопреступных делах...»³⁴.

«...не надобе... глаголати пред цари, не стыдяся о свидении господних, ниже обличати о различных законопреступных делах их...»³⁵.

Текстуальные совпадения процитированных писем логично объяснить тем, что все они были составлены одним и тем же лицом при одних и тех же обстоятельствах. Поскольку выше мы отмечали, что ранние списки первых посланий Курбского к Васьяну восходят к концу XVI в., постольку обнаруживается полная беспредметность рассуждений Э. Кинана, будто послания Васьяну мог написать Шаховской в 20-х годах XVII века.

Наличие соловецкого списка конца XVI в. никак не согласуется с одним из главных тезисов Э. Кинана, тотально опровергающего традиционную атрибуцию писем Курбского и Грозного на том основании, что их сочинения не сохранились в списках XVI века³⁶.

Э. Кинан выделяет в первом письме Курбского информацию, дающую представление о жизни автора, и заключает, что она более подходит к биографии Шаховского, нежели к биографии Курбского. Э. Кинан сводит биографическую информацию к семи следующим пунктам. Автор письма был: 1) человеком образованным; 2) обладал особым литературным вкусом; 3) судя по его жалобам, претерпел гонения; 4) притеснениям подверглась его семья; 5) автора занимала мысль о смерти; 6) автор — военный человек, не знавший поражений; 7) занятый постоянно на службе, автор редко виделся с женой (стр. 31). Соотнеся по этим пунктам сведения исследования письма с биографиями четырех возможных авторов, Э. Кинан резюмирует свои наблюдения в виде следующей таблицы, в которой соответствие биографических сведений с данными письма отмечено знаком плюс, а несоответствие — знаком минус (стр. 39):

Исайя	+	?	+	?	?	—	—
Курбский	?	?	—	—	?	—	?
Хворостинин	+	+	+	—	+	?	?
Шаховской	+	+	+	+	+	+	+

Первые два пункта биографической информации опираются на анализ стиля послания. Э. Кинан утверждает, что текст послания Курбского написан литургическим стихом. В этом утверждении обнаруживается слабое знакомство Э. Кинана с древнерусскими литературными жанрами. Проза Курбского имеет светский, а не церковный характер, его стиль — взволнованная речь, приближающаяся к разговорной. Язык послания весьма далек от книжного церковнославянского языка с литургическим стихом. Тенденция к рифмованной прозе, пишет Э. Кинан, типична для 30-х годов XVII в. (эпоха Шаховского), но не характерна для известных сочинений Курбского. И этот вывод Э. Кинана противо-

³³ РИБ. Т. XXXI, стр. 395.

³⁴ Там же, стр. 396.

³⁵ Там же, стр. 407.

³⁶ Тезис Э. Кинана не согласуется с фактами. Известно, что ряд произведений Грозного сохранился в списках XVI века. Так, письмо Ивана IV думному дворянину Василию Грязному, хорошо передающее его своеобразный стиль, сохранилось в составе Крымской посольской книги XVI в. (ЦГАДА, ф. 123, кн. 14, лл. 214об.—217). Послание царя Баторию вошло в книгу Посольского приказа и в книгу Литовской метрики (ЦГАДА, ф. 79, книги польского двора, № 13, лл. 43—65 об.; Метрика литовская, 1581. № 3, лл. 130—144об.).

речит фактам. Курбский пытался рифмовать прозу, как о том неопровержимо свидетельствует предисловие к «Новому Маргариту», написанное им в Литве. Предисловие завершает стих, в котором строфы 1, 3, 4, 6 оканчиваются словами — «не может», а строфы 5 и 8 — словами «совершен» и «искушен»³⁷. Рифмованная проза в предисловии столь же неискусна, как и в Послании: ритм отсутствует, строфы имеют неодинаковую длину.

Найдя в послании Курбского много религиозных ссылок и литургические вирши, Э. Кинан заключает, что автором его не мог быть мнрянин, каковым являлся Курбский. Шаховской же был монахом по всему, исключая имени: он написал много богослужебных виршей, и некоторые из них, продолжает Э. Кинан, удивительно похожи на стихи из «письма Курбского» (стр. 35—36). Читатель вправе надеяться далее на текстологические доказательства, но их нет. К несчастью, пишет Э. Кинан, невозможно сравнить стиль первого письма Курбского с подходящим экземпляром стиля Шаховского (стр. 40).

Не существует доводов в пользу того, утверждает Э. Кинан, что Курбский был религиозным или образованным человеком и что у него имелись причины негодовать по поводу упадка монашества (стр. 39). Можно спросить автора: о чем же свидетельствуют тогда письма Курбского в Печорский монастырь — его искусный богословский спор с учеными печорскими монахами, страстные обличения монахов-осифлян, занимающие многие страницы его писем?³⁸ На каком основании Э. Кинан игнорирует вольмарские послания, из которых видно, что Курбский после бегства проявлял заботу об оставленной им библиотеке? Такая забота поистине удивительна в необразованном человеке.

В первой краткой записке в Юрьев, написанной тотчас после побега, Курбский просил не затерять, «бога ради», «тетратки переплетены, а кожа на них не положена»³⁹. Через литовского гетмана он затем стал хлопотать о вызволении книги «в полдесть», «а тетратей в ней есть с шестьдесят и с семьдесят», «а кожа на ней не на всеи». Письмо гетмана Полубенского позволяет установить, почему Курбского так заботил сборник без кожаного переплета: в нем заключались «многие словеса Максима философа»⁴⁰. Считая известного писателя и гуманиста Максима Грека своим учителем, Курбский собрал в своей библиотеке многие его сочинения. Покинув Юрьев, боярин пытался вернуть себе самые ценные книги из оставленной им библиотеки. Не случайно еще до отъезда в Литву он советовал Васьяну и другим печорским монахам «паче Максима философа переводов да взыскуют»⁴¹. Можно ли оспаривать образованность и религиозность Курбского, если из источников литовского периода его жизни известно, что он участвовал в переводе церковных книг на славянский язык?⁴² Подобные многочисленные и бесспорные показания источников Э. Кинан полностью игнорирует.

Нет нужды останавливаться на всех пунктах, выделенных Э. Кинаном в процессе атрибуции первого послания Курбского царю. Отметим лишь два из них. Во-первых, автор послания жалуется на то, что он, род его и семья подвергались притеснениям. Э. Кинан считает, что у Курбского не было оснований для таких жалоб (стр. 31, 35—36). В подобных рассуждениях Э. Кинана недостатки формальной текстологии

³⁷ Архив ЛОИИ, ф. 279, оп. 1, д. 30, стр. 17.

³⁸ РИБ. Т. XXXI, стр. 395—397.

³⁹ Там же, стр. 360.

⁴⁰ Там же, стр. 495.

⁴¹ Там же, стр. 403.

⁴² Архив ЛОИИ, ф. 278, оп. 1, д. 30.

выступают в полной мере: за формально выделенными и произвольно истолкованными текстами полностью теряется реальное содержание исторического памятника. История Курбского удивительно полно раскрывается в его письмах. Они пропитаны духом той политической борьбы, которая достигла накала в преддверии опричнины. От взора внимательного читателя не могут ускользнуть многочисленные намеки и иносказания, которыми заполнен текст писем. Расшифровка их имеет первостепенное значение с точки зрения верной атрибуции и датировки памятника.

Какой смысл заключен в жалобах Курбского? Э. Кинан выделяет в тексте послания фразу: «За что всеродно погубляешь нас?» — и усматривает в ней указание на преследование семьи и рода автора. С подобной интерпретацией трудно согласиться. Обратимся к тексту и проследим за ходом рассуждений Курбского. «Почто царь побил воевод? — пишет Курбский. — Не они ли воеводы. — Р. С.) покорили ему царства и грады, а он нам (воеводам. — Р. С.), бедным воздал, всеродно погубляя нас»⁴³. Приведенные слова, рассмотренные в контексте, не могут иметь двух толкований. Беглый воевода, жалуясь на «всеродное погубление», имел в виду не свой род (и семью), а опальных воевод и их погубленных родственников. Подобная жалоба имела вполне конкретный смысл. Накануне опричнины царские опалы утратили персональный характер. Грозный подверг опале известных воевод Д. Курлятева, Д. Адашева, а заодно расправился и со всеми членами их семей. Последнее обстоятельство вызвало особенное возмущение среди недовольных бояр.

Э. Кинан извлекает из текста послания Курбского одну фразу («всего лишен бых и от земли божия тобою туне отогнан бых») и толкует ее так, что автор был выслан и лишен собственности (стр. 31). Нам представляется, что эта жалоба беглеца имела риторический характер. Прислушаемся к сетованиям Курбского. В них заметно странное несоответствие. С удивительным красноречием беглец защищает всех побитых и заточенных, но его слова теряют всякую конкретность, едва речь заходит о собственных обидах. В конце концов боярин отказывается даже перечислить эти обиды под предлогом, что их слишком много: «А вся приключившая ми ся от тебе различныя беды по ряду, за множество их, не могу изрещи...»⁴⁴.

Насколько основательны были жалобы Курбского? Чтобы ответить на этот вопрос, попробуем представить обстоятельства, при которых он попал на воеводство в Юрьев. Только что закончился победоносный полоцкий поход, в котором Курбский выполнял почетное и опасное поручение. Он командовал авангардом (сторожевым полком). Обычно на этот пост назначали лучших воевод. В дни осады Полоцка Курбский находился на самых опасных участках осадных работ (он устанавливал туры против неприятельского острога). После взятия Полоцка победоносная армия вернулась в столицу, ее ждал триумф. Воеводы могли рассчитывать на награды и отдых. Но Курбский лишен был всего этого. Царь приказал ему ехать в Юрьев и дал на сборы менее месяца. Всем памятно было, что Юрьев послужил местом ссылки «правителя» А. Адашева. Прошло менее трех лет с того дня, когда Адашев после успешного похода в Ливонию отбыл к месту службы в Юрьев, потом заключен был в юрьевскую тюрьму и там умер в опале. По прибытии в Юрьев Курбский обратился к печорским монахам со следующими многозначительными словами: «Многажды много вам челом бью, помоли-теся обо мне окаянном, понеже паки *напасти* и *беды* от Вавилона на

⁴³ «Послания Ивана Грозного», стр. 534.

⁴⁴ Там же, стр. 535.

нас кипети многи начинают»⁴⁵. Под аллегорическим образом Вавилона подразумевалась царская власть. От нее боярин ждал напасти и беды⁴⁶.

Курбский бежал в Литву после того, как друзья тайно предупредили о грозившей ему царской немилости. Зная об этом, царь укорял боярина, что тот поверил навету и утек за рубеж «единого ради (царского.— Р. С.) малого слова гневна»⁴⁷. Грозный не догадался о том, что Курбский уже давно вел изменнические переговоры с неприятелем. После смерти Курбского его наследники представили литовскому суду все документы, связанные с отъездом боярина в Литву⁴⁸. Из них следовало, что секретные переговоры прошли две фазы. Сначала Курбский получил закрытые листы (секретные письма, не заверенные соответствующим образом и не имевшие печати) от Радзивилла и Воловича, а также от короля. Когда соглашение было достигнуто, Радзивилл прислал Курбскому «открытый лист» (заверенную грамоту) с обещанием приличного вознаграждения в Литве, а также королевскую грамоту соответствующего содержания.

Ныне стали известны документы, проливающие свет на историю измены Курбского. Имеется письмо Сигизмунда II, написанное за полтора года до побега Курбского. Король благодарил воеводу витебского за старания его в том, что касается воеводы московского князя Курбского, и позволял переслать Курбскому некое письмо. Иное дело, продолжал король, что из всего этого еще выйдет, и дай бог, чтобы этим могло что-то доброе начаться, ибо ранее до него не доходили подобные известия, в частности, о таком начинании Курбского⁴⁹. Текст письма Сигизмунда недостаточно ясен, но в нем можно обнаружить несколько любопытных намеков.

В конце 1562 г. литовская рада направила официальное письмо трем виднейшим московским боярам. Литовский гонец был принят Боярской думой, после чего Посольский приказ составил ответные послания в Литву от имени бояр⁵⁰. Обращение литовской рады к Курбскому не получило отражения в документах Посольского приказа, а значит, оно имело сугубо секретный характер. Из текста королевского письма следует, что тайную грамоту Курбскому послал «князь воевода витебский». Можно установить его имя. Это князь Ю. Н. Радзивилл. Выше отмечалось, что именно письмо Радзивилла положило начало тайным переговорам между Курбским и литовцами. Новые архивные данные позволяют предположить, что любимец Грозного завел сношения с литовцами еще до того, как лишился царской милости и был отослан в Юрьев. Изменнические переговоры вступили в решающую фазу в то самое время, когда военные действия приобрели кризисный характер. Сильная московская армия вторглась в пределы Литвы, но адресат Курбского Ю. Радзивилл, располагавший точной информацией о ее движении, устроил засаду и наголову разгромил царских воевод. Произошло это за три месяца до побега юрьевского наместника в Литву.

История измены Курбского, быть может, дает ключ к объяснению его финансовых дел. В третьем письме Васьяну Курбский упоминает

⁴⁵ РИБ. Т. XXXI, стр. 381.

⁴⁶ Позднее Грозный подтвердил основательность тревог Курбского. Беседуя с польским послом Ф. Воропаем, он клялся царским словом, что не думал казнить Курбского, а лишь намерен был убавить ему почестей и отобрать у него места, то есть земельные владения. См. М. Петровский. Рец. на «Сказания кн. А. Курбского». (Изд. 3-е. Н. Устрялова. СПб. 1868). «Известия» Казанского университета. 1873, кн. 4, стр. 7—28. Текст беседы царя с послом опубликован также в ЧОИДР, № 9. 1848, отд. IV, стр. 300.

⁴⁷ «Послания Ивана Грозного», стр. 13.

⁴⁸ «Жизнь князя Курбского в Литве и на Волыни». Т. II. Киев. 1849, стр. 193.

⁴⁹ Письмо Сигизмунда II Августа от 13 января 1563 года. Познань. Архив Курник. Коп. № 1536. Этот источник нашел в польских архивах Б. Н. Флоря.

⁵⁰ Сборник РИО. Т. 71. СПб. 1892, стр. 98 и далее.

о том, что посылал в Печоры за «потребным животу» и что прежний свой долг он давно заплатил монахам. В этих словах Э. Кинан видит серьезный аргумент против традиционной атрибуции третьего послания Васьяну. Трудно вообразить то время, рассуждает Э. Кинан, когда Курбский нуждался в чем-то от монастыря, а главное, Курбский не имел причин до или после побега сказать: «И ныне не хотел же должен есми быти вашему преподобию» (стр. 42). Сомнения Э. Кинана порождены очевидным незнанием переписки Курбского и Васьяна. В самом деле, уже в первом письме в Печоры Курбский писал, что получил из монастыря книги и денежный счет: «А книгу и Герасимово житие и счет летом привезли же ко мне»⁵¹. Эти сведения сохранены соловецким списком послания конца XVI века. В третьем послании Васьяну Курбский вернулся к вопросу о старом займе и написал: «Имал был есми денги у вас и яз заплатил»⁵².

Курбский не мог занимать деньги у монахов, считает Э. Кинан, поскольку он явился за границу с мешком золота. Как же объяснить отмеченный парадокс? Боярин жаловался на то, что после побега царь конфисковал его имения. Значит, деньги были получены не от продажи вотчин. Курбский не увозил из Юрьева воеводскую казну. Об этом факте непременно упомянул бы Грозный. Остается предположить, что услуги, оказанные литовцам, были щедро оплачены королевским золотом. Когда опальный воевода явился за рубеж, в его кошельке нашли громадную сумму в иностранной монете (30 дукатов, 300 золотых, 500 немецких серебряных талеров) и всего 44 московских рубля⁵³. Курбский прибыл за рубеж богатым человеком. Чем же объяснить тогда его обращение в Печоры за новым займом, о котором упоминается в третьем послании Васьяну? Когда Курбский пересек границу и заехал в ближайший к Юрьеву замок Гельмет, чтобы взять проводника до Вольмара, где его ждали королевские чиновники, гельметские «немцы» схватили перебежчика и отобрали у него золото. Из Гельмета его как пленника повезли в замок Армус. Тамашние дворяне довершили дело: они содрали с воеводы лисью шапку, отняли лошадей и т. п.⁵⁴. Когда ограбленный до нитки боярин явился в Вольмар, он получил возможность поразмыслить над превратностями судьбы. Послание царю, написанное на другой день после гельметского грабежа, точно воспроизводит душевное состояние беглеца.

Курбский покинул родину, потому что боялся разоблачения. На родине он до последнего дня пользовался властью и почетом. Когда боярин явился на чужбину, ему не помогли ни охранная королевская грамота, ни присяга литовских панов-сенаторов. Он не только не получил обещанных выгод, но, напротив, подвергся прямому насилию. Он сразу лишился высокого положения, власти и золота. Жизненная катастрофа исторгла у Курбского невольные слова сожаления о «земле божьей» — покинутом отечестве. Изменник не мог сказать ничего точного по поводу причиненных ему обид и должен был прибегнуть к обширным цитатам богословского характера, чтобы обличить царя в несправедливом отношении к нему. «И воздал еси мне злая возблагая и за возлюбление мое — непримирительную ненависть», — с такими евангельскими словами обратился он к Грозному. Впрочем, Курбский не искал обличительных цитат в священном писании. Он заимствовал соответствующий отрывок из послания литовского монаха Исаяи, написанного полутора годами ранее.

⁵¹ РИБ. Т. XXXI, стр. 383, прим. 3.

⁵² Там же, стр. 405.

⁵³ Акт Литовской метрики о бегстве князя А. И. Курбского. «Известия» ОРЯС. Ч. XIX. 1914, кн. 2, стр. 284.

⁵⁴ Там же.

Чтобы объяснить обстоятельства знакомства Курбского с этим посланием, приведем некоторые данные о миссии Исайи в Россию. Цели ее известны только со слов самого Исайи. Литовский православный монах, по его собственному показанию, снаряжен был в Москву за церковными книгами, но миссия его имела не только религиозное назначение. Исайя прибыл в Москву «со всякими многими купеческими товарами и с конями и с людьми моими с двумя человеками»⁵⁵. Все писавшие об Исае обращали внимание на культурный характер его миссии. Но никто не исследовал обстоятельств, сопутствовавших ей. В июле 1561 г. армия Н. Радзивилла вторглась в пределы русской Ливонии и осадила замок Тарваст⁵⁶. В это самое время Исайя направлялся из Литвы к русской границе. 1 сентября русский гарнизон Тарваста после пятидневной обороны сдался литовцам. И тут Исайя явился в Смоленск⁵⁷.

Трудно представить менее подходящее время для отправки культурной миссии в Россию. Литовцы затевали большую войну из-за Ливонии. С точки зрения официальных целей миссия Исайи была с самого начала обречена на провал. Заметим, что эта миссия не была частным предприятием. По утверждению Исайи, его снарядил в путь литовский подканцлер О. Волович⁵⁸. И с этой стороны миссия кажется странной. Прошло несколько лет, как Волович отрекся от православной веры и примкнул сначала к лютеранам, а потом к арианам. На средства Воловича в 1562 г. были изданы в Несвиже труды арианина Ш. Будного⁵⁹. Не совсем понятно, зачем в том же году Воловичу понадобилось посылать Исайю в Москву за православными сочинениями. Может быть, церковные книги были только предлогом?

Перейдя границу, Исайя попытался завоевать доверие московских властей и подал донос на грека митрополита Иоасафа, к свите которого он присоединился в Литве. Монах уведомил русских, будто грек, будучи в Литве, «целовал крест королю и королевской раде»⁶⁰. Митрополит вынужден был давать письменные объяснения, но ему не поверили и задержали в Москве на четыре года⁶¹. Что касается Исайи, то он попал в тюрьму. Вина Исайи казалась столь значительной в глазах русских, что его продержали в заточении до окончания Ливонской войны, то есть 20 лет. По-видимому, Исайю арестовали в Москве как литовского шпиона. В тюрьме Исайя написал письмо, в котором обвинил митрополита Иоасафа во всех своих злоключениях. Письмо начинается с богословской цитаты: «За благая моя воздал ми злая...» и пр. Сама по себе эта цитата мало подходила к ситуации. Исайя причинил зло Иоасафу, а не благо. Прибегнув к богословию, он избавился от необходимости дальнейших объяснений относительно обстоятельств своего заточения в московскую тюрьму. Курбский не только повторил прием Исайи, но и заимствовал из его письма большой отрывок. Обличительные слова Исайи против Иоасафа Курбский слегка перефразировал и адресовал царю.

Переписка Грозного и Курбского, пишет Э. Кинан, если бы она существовала, должна была бы непременно оставить след в документах

⁵⁵ Список с листа Исайина. ЧОИДР. 1883, кн. 1, отд. V, стр. 2.

⁵⁶ Сборник РИО. Т. 71, стр. 236; ПСРЛ. Т. XIII, стр. 339.

⁵⁷ Отписка смоленского епископа Симеона (сентябрь 1561 г.). РИБ. Т. XXII, кн. II, 1908, стр. 67.

⁵⁸ Подканцлер Волович испросил у короля опасные грамоты на проезд Исайи за московскую границу. Вероятно, он же снабдил Исайю «почтенными дарами» — золотом, бисером, драгоценными камнями, предназначенными в подарок царю (см. Список с листа Исайина, стр. 2—3).

⁵⁹ T. Wasilewski, Testament Ostafiego Wollowicza. «Odrodzenie i Reformacja w Polsce». Т. VII. 1962, str. 166.

⁶⁰ РИБ. Т. XXII, стр. 67.

⁶¹ См. А. Н. Муравьев. Сношения России с Востоком по делам церкви. Ч. I, М. 1858, стр. 112—118.

московского происхождения. На самом же деле, утверждает Э. Кинан, не сохранилось никаких доказательств, основанных на рукописях, относительно существования переписки в период до 1620 года. Ее не упоминают даже подробные описи государственного архива XVI и начала XVII в. (стр. 49). Но Э. Кинан невнимательно прочел названные им источники. В действительности указание на переписку царя с Курбским имеется в самой ранней из описей царского архива⁶². Эта опись была составлена, по-видимому, еще до побега Курбского и оставалась действующим документом в течение всей опричнины⁶³.

Земский архив в те годы подвергся реорганизации: в частности, дьяки выделили документы определенного характера (указ об опричнине, доносы по поводу непригожих речей о государе, дела об изменнике Курбском) и сложили их отдельно от других документов в ящик 191. Можно совершенно определенно установить, что новый отдел был укомплектован и описан не позднее ноября 1569 года. Во-первых, в описи ящика против одного из документов сделана помета: «(70) 78 ноября взял к государю дьяк Василей Шелкалов». Во-вторых, следует обратить внимание на самые последние документы, положенные в ящик 191: среди них — «сказка литовского гонца Улана Букрябы про... Курбского»⁶⁴. Букряба находился в Москве с 9 по 18 ноября 1569 года⁶⁵. В этот промежуток времени литовский гонец и подал сказку о Курбском. Сказка Букрябы оказалась последним документом в серии бумаг, попавших в ящик 191 и касавшихся Курбского. Первые из этих бумаг упоминаются в описи в следующем отрывке: «Отпуск в Озерища Григорья Плещеева о Курбского грамоте, а грамота у государя, ...речи старца... отца духовного Курбского»⁶⁶. Грозный не пожелал хранить грамоту Курбского в общем архиве, где лежали документы, касавшиеся царской фамилии. Он поместил ее в личный архив, значит, письмо касалось его лично. Царь послал за письмом не простого гонца, а знатного воеводу Григория Плещеева⁶⁷. Грозному надо было получить письмо от беглого боярина в то время, когда на русско-литовской границе шла ожесточенная война. Мы можем датировать миссию Плещеева в Озерища с точностью до нескольких месяцев: он ездил туда после побега Курбского (май 1564 г.), но ранее 6 ноября, когда царские воеводы заняли Озерища и присоединили эту литовскую крепость к русским владениям⁶⁸.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что в действительности переписка Курбского и Грозного оставила след в подлинных документах московского происхождения, составленных при жизни названных лиц. С точки зрения атрибуции писем Курбского и Грозного этот вывод имеет существенное значение. Отпадает еще один аргумент Э. Кинана в пользу тезиса о подложности их переписки.

⁶² Подлинность этой описи не вызывает сомнения (см. С. О. Шмидт. Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 года. М. 1960, стр. 7).

⁶³ В тексте описи имеются пометы о посылке архивных материалов к царю в период с 26 мая 1564 г. до августа 1571 г. (Описи царского архива, стр. 33, 35, 32, 26 и др.). Только одна помета относится к более позднему времени — 7083 (1575/76) году (там же, стр. 33). Хранители архива регулярно вписывали в опись сведения о новых поступлениях. Последний из вновь поступивших (и занесенных в опись) документов можно точно датировать январем 1572 г. (грамота шведского посла Павла. Там же, стр. 28).

⁶⁴ Там же, стр. 37, 38.

⁶⁵ Сборники РИО. Т. 71, стр. 578—580.

⁶⁶ Описи царского архива, стр. 38.

⁶⁷ Г. Плещеев возглавил поход царских войск в Кабарду, в 1563 г. он вернулся в Москву, а в 1569 г. был казнен по приказу Грозного. Следовательно, он ездил за грамотой Курбского между 1563 и 1569 годами (см. ПСРЛ. Т. XIII, стр. 371; Р. Г. Скрынников и др. Опричный террор. Л. 1969, стр. 41, 272, 289).

⁶⁸ ПСРЛ. Т. XIII, стр. 385, 391; «Витебская старина». Т. IV. Витебск. 1885, стр. 159.

Э. Кинан утверждает, что в его методе нет ничего новаторского, лишь более внимательное чтение текстов и использование законов простой вероятности (стр. 4). Но, как ни странно, обещанное автором внимательное чтение источников сводится к неточным и предвзятым интерпретациям их, законы же вероятности служат мостом к произвольным, бездоказательным утверждениям.

Книга Э. Кинана проникнута навязчивой тенденцией. Стараясь смягчить неблагоприятное впечатление, автор пытается убедить читателей, будто у него нет никаких намерений развенчать Ивана IV, или Андрея Курбского, или Московию, лишить их тех достоинств, которые им по праву принадлежат (стр. 3). Но вся аргументация Э. Кинана устремлена к одной цели: доказать невозможность появления в Московской Руси XVI в. людей, которые могли быть авторами таких выдающихся сочинений, как знаменитые письма Грозного и Курбского.

Объявив подлогом и подделкой XVII в. письма царя к Курбскому, Э. Кинан призывает к пересмотру всей вообще литературной традиции, приписываемой Грозному. Берется под сомнение авторство Ивана IV применительно к самым известным из его сочинений. В итоге Э. Кинан приходит к заключению, что вопрос о функциональной грамотности Грозного остается открытым (стр. 98).

Те, кто старается доказать подложность того или иного источника, обычно избирают своим объектом самые известные произведения древнерусской литературы, и тогда их выводы приобретают характер сенсации. «Открытие» Э. Кинана сенсационно. Но выводы его лишены серьезного обоснования. Книга Э. Кинана является ярким примером бесплодности того направления американской буржуазной историографии, которое подчинило научное исследование предвзятым целям.
